

— Прошлый опыт перерождения Верховного бога в прохождении Скорби и младший сын вазы из клана смертных: Раньше Цяо Пэй относился к Верховному богу исключительно хорошо, но Верховный бог ни во что не ставил этого ничтожного смертного и после прохождения Скорби стер Цяо Пэю память, после чего вернулся в Мир Богов. Позже Верховный бог горько пожалел об этом и вернулся в Мир Смертных, но у потерявшего память Чао Цы уже появился другой возлюбленный.

Эгоистичный и безжалостный главный герой-мужчина (ата) с темным характером против могущественного благодетеля (омеги), который снабжает его деньгами и ресурсами (сук): отец главного героя трагически погибает, и он вынужденно принимает на себя руководство сектантской обителью, окруженной со всех сторон хищниками, где практически нет надежды на выживание. В этот момент прославленный в Море Совершенствования мастер Стадии Разделения Духа Чао Цы предлагает ему свою защиту, деньги и ресурсы в обмен на одно условие — главный герой станет его даосским спутником на пять лет. Согласен ли он? Главный герой ухмыляется: согласен. С тех пор Чао Цы отдает ему всю душу и беспрекословно во всем подчиняется. По истечении пятилетнего срока главный герой, уже достигший Стадии Великой Колесницы и стоящий на вершине Мира Совершенствования, наивно полагал, что Чао Цы будет бесстыдно цепляться за него и останется, но тот, к его неожиданности, уходит без малейших колебаний. Ха, неужели ты думал, что сможешь уйти просто потому, что захотел?

Сбежавший из дома богатый наследник, звезда экрана (ата) против прекрасного покровителя (сук): раньше Чао Цы давал ему деньги и ресурсы, получая в ответ лишь холодность и бесконечные скандалы в прессе, а теперь Чао Цы хочет развлечься на стороне, но вынужден каждый день терпеть проверки связи.

Властный генеральный директор (ата) против фаворита, который вовсе не был заменой (сук): раньше Чао Цы прекрасно знал, что служит лишь заменой для другого, но все равно усердно и истово исполнял эту роль, окружая его ежедневной заботой и выполняя все обязанности до конца, а теперь Чао Цы жаждет только одного — расставания, в то время как страдающий хрупким сердцем властный директор день за днем подозревает, что он разлюбил его. Тысячи благословений, о великий Клан Чао! То есть...

В поместье клана Чао царило оживление.

Абсолютно никчемный и избалованный младший молодой господин клана Чао женился, и не на ком-нибудь, а на мужчине!

Аристократия и простые жители Цзиньюньчжоу шушукались между собой, качая головами: и впрямь под стать этому сумасбродному юнцу.

Младшего молодого господина клана Чао в Цзиньюньчжоу знал каждый встречный, и имя его неизменно становилось поводом для сплетен. Причина была проста: его безумные выходки не поддавались исчислению, что делало Чао Цы идеальной темой для разговоров за чашкой чая.

Клан Чао был влиятельнейшим семейством в Цзиньюньчжоу, укоренившимся здесь на целое

столетие. Из поколения в поколение они славились выдающимися талантами: среди их предков были и мудрые первые министры, и непобедимые полководцы. Кто бы мог подумать, что в нынешнем поколении на свет появится такое недоразумение, как Чао Цы.

Этот младший молодой господин обладал тупым от природы умом. Ходили слухи, что клан Чао нанял для него лучших наставников, но каждый из них сбегал, не выдержав и трех дней. Однако клан Чао не оставлял надежды и за огромные деньги приглашал все новых учителей. В те месяцы праздные зеваки любили околачиваться у ворот поместья клана Чао, ведь в девяти случаях из десяти они непременно сталкивались с очередным разъяренным наставником, вылетающим из парадных дверей.

В конце концов дурная слава распространилась повсеместно, и больше ни один учитель не соглашался брать его в ученики. И дело было вовсе не в том, что все они отличались нетерпеливостью или взрывным характером: просто этот юнец не только оказался совершенно безнадёжен в учебе, но и проявлял вопиющее неуважение к старшим.

Доведя до белого каления череду учителей, молодой господин со спокойной душой предался своим безумным забавам. Он открыл в северной и южной частях главного города Цзиньчжоу по бойцовскому клубу — один для петушиных боев, другой для боев сверчков — и заглядывал туда по меньшей мере раз по восемь-десять за месяц. Все остальное время он либо бесчинствовал на улицах, притесняя слабых и грабя прохожих, либо предавался пьянству и разврату в веселых домах в компании таких же никчемных дружков. Этот молодой господин был излюбленным ходоком по женской части: законную жену он еще не взял, зато его задний двор уже был забит всевозможными наложницами на любой вкус и цвет, полными и тонкими, изящными и статными.

Однако несколько дней назад молодой господин с приступом внезапного энтузиазма отправился с компанией дружков на охоту за город, а вернулся оттуда с тяжело раненным мужчиной и принялся шумно и скандально требовать, чтобы тот стал его женой.

Слухи гласили, что этот мужчина обладал неземной красотой, словно сошедший с девяти небес небожитель, с которым не мог сравниться никто в подлунном мире. Простые люди слушали эти рассказы, разинув рты, с трудом веря, что на свете бывает такая внешность, но уж точно были уверены, что дурнушкой тот не был. Иначе избалованный красотками молодой господин ни за что не уперся бы рогом с требованием жениться именно на нем.

В их Одиннадцати провинциях Северных земель существовал обычай брать в жены мужчин, но по сей день мало кто претворял его в жизнь, особенно среди знатных семейств. Этот юный господин из клана Чао стал первым за последнюю сотню лет выходцем из аристократии в Цзиньчжоу, заявившим о намерении взять в жены мужчину.

Вот только клан Чао извечно баловал младшего сына. Поначалу они были против, но стоило юному господину устроить истерику с криками, буйством и угрозами наложить на себя руки, как всего через несколько дней клан Чао капитулировал.

Более того, потакая требованиям молодого господина, они в спешном порядке начали приготовления к грандиозной свадьбе — судя по всему, торжество собирались заткнуть на славу.

Именно этот сумасбродный юный господин, о котором все судачили, и был Чао Цы.

Впрочем, его сумасбродство было вынужденной мерой.

Он являлся профессиональным «быстрым странником», прибывшим из Главного мира.

Главный мир не был естественным образом сформированным пространством — его искусственно создали как центральный узел для поддержания стабильности во всех мирах.

Там обитало множество таких же людей, как Чао Цы, которые ради сохранения порядка в мириадах миров брались за самые разные задания. Разумеется, Главный мир публиковал эти поручения ради стабильности мироздания, но у самих странников цели были самыми разными.

У Чао Цы не было столь возвышенных идеалов: он стал странником исключительно потому, что эта профессия сулила высокую зарплату, отличные льготы и солидные премии.

Хотя в Главном мире он находился уже много лет, по сравнению с теми великими ветеранами, что прожили там тысячи и десятки тысяч лет, он все еще оставался новичком. Задания для новичков были легкими, но и платили за них немного. Чао Цы уже начал скучать, как вдруг однажды случайно обнаружил странную категорию поручений.

Награда за них обещалась огромная, но желающих браться за них почти не было.

Внимательно изучив вопрос, Чао Цы понял, что общее у всех таких заданий одно: нужно было стать преданным слугой-подлизой для Сынов Судьбы в каждом из миров.

Разумеется, в системном интерфейсе это не формулировалось столь прямолинейно — это лишь Чао Цы подвел такое простое резюме.

Никто не горел желанием выполнять столь неблагодарную и изнурительную работу, но Чао Цы, едва взглянув на них, аж глаза протер от изумления.

Ему показалось, что он видит шанс стать главным топ-игроком Главного мира! Поэтому он подряд выполнил немало подобных заданий. Всё прошло абсолютно без труда, да ещё и с высокой наградой — просто прелесть, в самое сердце.

Задание в этом мире как раз было одним из таких.

Объектом, чьё расположение ему предстояло завоёвывать, был Цзинь Яо — могущественный небожитель из Мира Богов, бог войны, вышедший из древних полей сражений. Даже в Мире Богов он пользовался грозной репутацией, и никто не смел с ним связываться. Говорили, что его истинный облик — чёрный дракон, но он был начисто лишён свойственной драконам похотливости и страсти к плотским утехам. Напротив, он отличался холодным и отстранённым нравом, и кроме стремления к абсолютной силе его ничто не трогало.

Такой склад ума позволил ему подняться на самую вершину Мира Богов, но он же и стал его ограничением, из-за чего в дальнейшем он уже практически не мог продвинуться вперёд.

Обитатели Мира Богов то и дело проходили через всевозможные бедствия, для них это было едва ли не обычным делом. В один прекрасный день Цзинь Яо внезапно почувствовал, что приближается его испытание, и обратился к Бессмертному Владыке Сымину, чтобы тот сделал расчет. Бессмертный Владыка Сымин предсказал, что его ждёт Испытание чувств, и посоветовал спуститься в Мир Смертных для прохождения Скорби.

Цзинь Яо не любил хлопоты, а Бессмертный Владыка Сымин не смел его злить, поэтому он подсказал: если уж совсем не хочется возиться, можно запечатать божественную силу и отправиться в мир смертных, чтобы пройти Скорбь, прикинувшись обычным смертным.

Согласно предначертанной судьбе, спустившись в мир смертных, он должен был родиться сиротой и болезненным слабаком. Цзинь Яо полностью запечатал свою божественную силу, а также запечатал большую часть жизненной энергии, оставив лишь крошечную толику, чтобы поддерживать в себе жизнь, и отправился в Мир смертных проходить Скорбь.

Именно его и подобрал Чао Цы. В этом мире Чао Цы предстояло сыграть роль избалованного младшего сына из влиятельного знатного рода. В древнем обществе, где повсюду царили мужчины-негодяи, его отец и мать питали друг к другу редкую искреннюю любовь — у отца была лишь одна жена. Мать родила всего двоих детей: его старшего брата и его самого. Когда ему исполнилось три года, мать тяжело заболела и скончалась.

Поскольку с самого детства он рос писанным красавцем, а старший брат был старше его аж на девять лет, в семье его всегда баловали. После смерти матери отец и брат, сокрушаясь, что такой кроха остался без материнской ласки, стали окружать его еще большим вниманием и заботой.

В итоге они его избаловали.

К тому времени, когда юному господину Чао исполнилось семнадцать, его задний двор уже ломился от всевозможных девиц. Даже отец начал высказывать недовольство: мол, законная жена еще не взята, а развел тут всякую сомнительную массовку — на что это похоже?

Тем не менее, совладать с этим капризным молодым господином было невозможно: стоило отцу пожурить его пару раз, как, не добившись послушания, он махнул на сына рукой.

В один прекрасный день Чао Цы отправился за город на охоту. Впрочем, охотой это можно было назвать лишь условно — скорее, простой прогулкой. Он катил за город в просторной и комфортной карете, окруженный плотным кольцом охраны со всех сторон, в компании целой толпы сомнительных приятелей. Его дружки-приятели, хоть и были под стать ему повесами, шлындавшими по борделям без капли совести, но всё же превосходили избалованного и никчемного молодого господина. По крайней мере, они всю дорогу скакали верхом и на охоту выезжали сами; среди них даже встречались искусные наездники и стрелки. И только Чао Цы почти всё время сидел в карете, лишь изредка садясь верхом, когда на него находила блажь, но едва проехав немного, тут же жаловался на усталость и просил привала.

Стоило Чао Цы на мгновение выглянуть наружу, как его взгляд упал на одинокую белую фигуру, прислонившуюся к дереву.

— Кажется, впереди кто-то есть, давайте проверим! — повернувшись, крикнул Чао Цы приятелям.

— В этакой глуши да люди — и впрямь диковинка, — приподнял брови высокий мужчина в черном костюме для верховой езды, скакавший рядом. — Погнали, взглянем.

Звали его Цяо Пэй, и среди всей этой компании он был ближе всех к Чао Цы.

Вся ватага направилась в ту сторону. По мере приближения кто-то изумленно воскликнул:

— И впрямь человек!

Этим человеком оказался не кто иной, как Цзинь Яо, забросивший себя в Мир Смертных.

Сейчас Цзинь Яо переусердствовал со спектаклем: мало того, что он полностью перекрыл ци жизненной силы, так еще и полоснул себя мечом по плечу. Теперь половина его белых одежд была залита кровью, что выглядело довольно жутко.

Но когда Чао Цы разглядел его лицо, он на секунду замер.

Твою ж мать... Разве на свете бывает такая красота?

У незнакомца были растрепанные черные, как перья ворона, волосы, небрежно собранные наполовину, соболиные брови, сходящиеся к вискам, наполовину прикрытые глаза с фениксовыми разрезами и тонкие губы, сжатые под высоким прямым носом. Пятна крови на белых одеждах напоминали брызги красной сливы на снегу, поражая воображение своей пронзительной красотой.

Чао Цы, славившийся своей слабостью к красивым лицам, тут же поддался велению сердца: его глаза мгновенно загорелись, а стоило заметить, что незнакомец тяжело ранен, как во взгляде проступил искренний испуг. Он поспешно шагнул вперед и окликнул его:

— Молодой господин, вы в порядке?

Эти слова заставили остальных прийти в себя, и спутники тут же с весьма многозначительным выражением лица уставились на Чао Цы.

Раньше они думали, что внешность самого Чао Цы — редкость на века, но никак не ожидали встретить здесь кого-то равного ему по красоте.

Истинная битвы небожителей.

Если судить по лицу, Чао Цы был безупречен. У него были яркие, завлекательные персиковые глаза, в которых при этом сквозила кошачья невинность, а нежная белоснежная кожа без единого изъяна делала губы похожими на сочащиеся кровью лепестки. Он обладал ослепительной, несравненной красотой и нежным, гладким, словно нефрит, лицом.

Сам Чао Цы ни капли не ценил собственную внешность и даже презирал себя за столь не мужественный облик. Он понятия не имел, что его приятели смотрят ему в рот не только из-за происхождения из клана Чао — немало людей вились вокруг исключительно ради его лица.

Теперь же этот молодой человек, несмотря на болезненный и увядающий вид, излучал ауру столь же величественную и необъятную, как горы и моря, и столь же непостижимую, как зловещая бездна... Это ощущение трудно было описать словами, но оно возникало в головах у каждого при первом же взгляде на незнакомца.

Если Чао Цы походил на роскошную, источающую соблазн и увядание пионовую ветвь, то этот человек напоминал ослепительное солнце, на которое невозможно смотреть без боли в глазах.

Не дождавшись ответа от Цзинь Яо, один из приятелей Чао Цы предположил:

— Похоже, он слишком тяжело ранен и не может говорить.

— И что же делать? Живо за лекарем! — бросил Чао Цы телохранителям.

Отправив одного из слуг на поиски врача, Чао Цы попытался взвалить Цзинь Яо на коня, но с его тонкими ручками и ножками он едва не рухнул от тяжести, так что подоспевшим охранникам пришлось подхватить его под руки.

Товарищи тут же принялись подшучивать:

— Брат Чао, красота, конечно, одурманивает, но о здоровье тоже забывать не стоит.

Чао Цы бросил на говорившего свирепый взгляд, полный раздражения, отчего друзья дружно рассмеялись.

Взвалить его на коня не удалось, и Чао Цы пришлось самому поддерживать Цзинь Яо, усаживая в карету. Когда его ладонь легла на крепкую, поджарую талию Цзинь Яо, ощущая сквозь ткань упругие линии мышц, кончики ушей Чао Цы покраснели.

Он не удержался и слегка провел пальцами туда-сюда.

Движения Цзинь Яо на миг замерли.

Из-за потери крови в голове слегка шумело, и он лишь лениво бросил взгляд на Чао Цы через плечо.

Лицо смазливое: губы алые, зубы белые, глаза персиковые, но при этом — молоко на губах не обсохло, самый обычный смертный, да к тому же пустой повеса и бабник.

И это его Испытание чувств?

Он усомнился в стандартах Небесного Пути по отбору кандидатов.

Впрочем, каким бы ни был этот человек, Цзинь Яо было абсолютно всё равно. Он вовсе не собирался всерьез проходить какое-то Испытание чувств, а явился сюда лишь ради галочки, чтобы ублажить Небесный Путь.

Пусть лучше окажется пустышкой, зато не придется по-настоящему увязать в небесных сетях.

Заметив взгляд Цзинь Яо, Чао Цы сообразил, что его наглость была неуместна, и густо покраснел.

Однако, убрав руку на секунду, он всё же не удержался и еще разок украдкой ущипнул незнакомца за бок.

Каково же на ощупь!

Сообразив, что он снова распускает руки, Чао Цы смущенно отдернул ладонь. К счастью, к этому моменту они уже благополучно устроили Цзинь Яо в карете.

Чао Цы привез Цзинь Яо домой.

Не прошло и нескольких дней, как он прибежал к отцу и старшему брату со словами, что намерен жениться на Цзинь Яо.

Отец и старший брат: «?!»

Убедившись после долгих расспросов, что Чао Цы не шутит, они пришли в ярость и наотрез отказались.

Ладно еще эта орава щебечущих девиц во внутренних покоях — но тащить в дом какого-то мужика и собираться на нем жениться?! Что за бред!

О том, чтобы взять в жены мужчину, нечего было и думать, но даже если закрыть на это глаза — кто он вообще такой? На вопрос о происхождении этот человек заявил, что кроме собственного имени — Цзинь Яо — вообще ничего не помнит. Хотя лекарь и подтвердил, что из-за сильного удара по голове вполне могло случиться помрачение рассудка и амнезия, как можно позволить столь сомнительной личности стать законной супругой молодого господина их клана Чао?!

К тому же, при всей своей поразительной красоте, этот мужчина обладал на редкость хрупким здоровьем. По словам врача, у него был врожденный недуг, и если за ним не ухаживать должным образом, тот не проживет и нескольких дней. Даже при самом тщательном уходе он всю жизнь будет хворать... И такого они хотят сделать женой их Сяо Цы?!

Да как такое вообще в голову могло прийти?!

Отец и старший брат были категорически против!

Но уж в чем Чао Цы знал толк, так это в умении капать на мозги отцу и старшему брату: после нескольких дней слез, истерик, угроз наложить на себя руки и голодовки он наконец сломил их упорство.

В любой другой влиятельной семье за такое непослушание старшие давно бы переломали этому сорванцу ноги и заставили коленями вымаливать прощение в родовом храме трое суток кряду. Но в поместье клана Чао отец и брат баловали младшего сына и брата столько лет вовсе

не для того, чтобы требовать от него каких-то выдающихся успехов, и в конце концов сдались.

Получив согласие родных, Чао Цы от радости подпрыгнул на три фута в высоту и помчался во внутренний двор к Цзинь Яо.

Он вихрем вбежал в отведенное для Цзинь Яо крыло. Помещения здесь были хоть и не самые масштабные, но обставлены с изысканным вкусом — даже цветы и те представляли собой редчайшие сорта, привезенные из разных уголков света.

Миновав передний двор, Чао Цы толкнул дверь, и в нос сразу же ударил мягкий, утонченный аромат орхидей. Поскольку врач предупреждал, что Цзинь Яо слаб здоровьем и сырость с холодом ему противопоказаны, благовония в комнатах не жгли, а вместо этого расставили множество редких и диковинных орхидей в горшках.

Освещение в комнатах тоже было превосходным. Сегодня стоял тихий день, и распахнутые настежь окна пропускали внутрь потоки яркого, розовато-золотого солнечного света, заливавшего всю комнату и позволявшего во всех деталях разглядеть изысканную и роскошную обстановку.

Цзинь Яо полулежал на мягкой тахте, держа в изящных, подобных нефриту пальцах томик редкого древнего трактата. Он читал, опустив взгляд, и даже не шелохнулся, когда услышал шаги вошедшего.

Одной рукой он подпирал голову, и солнечный свет отбрасывал завораживающую тень на его переносицу и профиль, а подол богатых одежд и широкие рукава небрежно свисали с края тахты — рядом с ним даже небожитель с живописного свитка выглядел бы блекло.

Заметив, что Цзинь Яо не обращает на него никакого внимания, Чао Цы подошел к вешалке, взял меховую накидку и, смущенно приблизившись, аккуратно набросил ее на плечи Цзинь Яо.

<http://bllate.org/book/22189/2312420>